

БИБЛИОГРАФИЯ

А. А. Ермичёв*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ И ИДЕЙНЫЙ СБОРНИК
М. А. Колеров. Манифесты политического идеализма:
«Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1901), «Из глубины»
(1918) и их наследники. — Минск: Лимариус, 2020. — 499 с.

Ermichev A. A.

POLITICAL IDEALISM AND IDEOLOGICAL COLLECTION

(M. A. Kolerov. Manifestos of political idealism: «Problems of idealism» (1902), «Vekhi» (1901), «From the depths» (1918) and their heirs. Minsk: Limarius, 2020. 499 p.)

Рецензией предполагается исполнение двух задач. Она хочет оповестить историков русской общественной мысли о появлении превосходного исторического исследования о веховстве. Эти изыскания М. А. Колерова ранее публиковались частями, а теперь они собраны в солидных размеров монографии, отчего каждая из них получила дополнительную значительность. Другая задача — критическая. Рецензент думает обратить внимание читателя на базовые понятия монографии — «политический идеализм» и «идейный сборник».

С веховства и начнем. Русская мысль уже давно согласилась на ценностное и даже онтологическое первенство духа и поэтому на признание личности за высшую ценность социального бытия; опознание этого как политической задачи и главной идеи социального строительства получило свое выражение в сборнике «Проблемы идеализма» (1902). Но ввергнутая в революцию 1905–1907 гг. русская жизнь диктовала другое: нужно руководиться политической целесообразностью, а исполнение персоналистического идеала сдвинуть в неопределенное будущее.

Несмотря ни на что, апологеты персоналистической идеи остались при своем мнении и снова попытались внушить русской жизни ценность своей идеи — на этот раз аргументацией от противного, показывая, что революция

* Ермичёв Александр Александрович, доктор философских наук, профессор, Русская христианская гуманитарная академия; 7723516@gmail.com

и революционеры лишены высоких персоналистических и гуманистических качеств. Так появились «Вехи» (1909) с их предупреждением против революции.

Но дряхлое самодержавие не умело остановить красное колесо. Громада новой революции была так велика, в ходе ее так безжалостно выкорчевывалась контрреволюционная, неревolutionционная и дореволюционная Россия, что персоналисты из «Вех» завопили от бессилия что-либо сделать и на что-то надеяться — помимо железной руки и Бога. Так появился сборник «De profundis» (1918) известный нам под именем «Из глубины». Три этих сборника автор рассматривает в логической (тезис — антитезис — синтез) и исторической последовательности, а каждый из ее этапов подвергает строгому документированному исследованию.

У автора сложилось собрание увлекательных повествований о перипетиях либеральной веховской идеи, которую герои этой книги обрели в переживании и изучении европейского культурного и политико-правового строительства, а также русской литературы и опыта освободительного движения. В книге три раздела: 1) «Очерки», 2) «Штудии», 3) «В кругу «Из глубины». Тексты».

В первом разделе исследуются конкретные идейные и социально-политические обстоятельства появления каждого из названных сборников, их общественное значение и, так сказать, результативность. Автор не пересказывает их содержания, а рассматривает рождение главной идеи каждого и способы ее выражения в движении веховства через перевалы 1902, 1909 и, наконец, 1918–1921, 1923 гг., когда обозначенная автором традиция прекращала свое существование. При этом М. А. Колеров наводит множество мостов между содержанием сборников и реальными общественно-политическими и культурными процессами русской жизни того времени (новое религиозное сознание, гапоновщина, первые шаги советской власти, выступления Ленина, повороты в Гражданской войне, устройство на советскую службу).

Во втором разделе — «Штудии» — собраны исследования различных ситуаций и имен, возникавших в истории сборников. Таковых исследований — девять, и каждое из них приоткрывает некое новое обстоятельство в судьбе веховцев и их идей. Например, в первой из «Штудий» предложен рассказ о работе М. О. Гершензона над предисловием к «Вехам», а в последней — о том, «как и зачем И. Ильин искал союза с евразийцами».

Третий раздел книги предлагает читателю публикацию малоизвестных текстов Н. А. Бердяева, (его рецензия на книгу П. И. Новгородцева «Об общественном идеале»), П. И. Новгородцева («Идея народовластия и проблема власти») и Е. Н. Трубецкого («Великая революция и кризис патриотизма»), которые так или иначе дополняли или углубляли основные идеи сборника «Из глубины».

На основании собранных и проанализированных материалов автор написал две обобщающие статьи. Первая из них — «Два политических идеализма и Новое средневековье» служит «Введением» ко всей книге. Второе обобщение, в 38 страниц — «Русские идейные сборники как традиция: между толстым журналом и манифестом» — предпослано в качестве предисловия к первому разделу, где и рассмотрена история каждого из сборников. Он метит по двум целям — исторической и литературоведческой.

К читателю приходит понимание пионерского характера исследований М. А. Колерова, который представил веховство как традицию русской культуры и общественной мысли. Уже только такое допущение разрушает схематику идеологического подхода к идейно-культурному содержанию русской жизни между 1898 и 1922 гг. Мы подвинемся к более точным характеристикам революционного процесса, пришедшего к Февралю, а потом к Октябрю.

Книга начинается свой анализ с последнего десятилетия XIX в., когда в обществе сложилась потребность в «формальной русской партийности». Увы, к 1902 г., когда появились «Проблемы идеализма», раскол внутри общенационального противодействия самодержавию становится фактом. Вместе с тем М. А. Колеров видит, что и тогда ожиданием всего общества, включая сюда либералов, был социализм. «Россия конца XIX — начала XX века была весьма уязвима для социализма» (с. 63). Вся русская мысль, продолжает автор, фокусировалась на политической свободе и социальном освобождении, достижимыми при революционной ликвидации самодержавия. Ниже мы читаем об эксцентричном: «...жажда индивидуальной политической свободы соединилась с чаянием уравнительного социально-экономического коллективизма» (с. 64).

Следя, как идеалисты критикуют марксистский детерминизм и тогда же мещанское бернштейнианство, как приветствуют Михайловского и его выход за пределы позитивизма, читатель начинает понимать, что «Проблемы идеализма» были написаны в пользу революции, в попытках вдохновить ее идеальным содержанием, пободрить ее: «Верной дорогой идете, товарищи!»

Очерк о «Проблемах идеализма» (самый большой в настоящем издании — с 55 по 221 страницу) нам уже знаком по книге «Сборник «Проблемы идеализма» (1902 г.) История и контекст». (М.: Три квадрата, 2002). Очень жаль, что в настоящий очерк не вошло одно предложение из прежнего издания: «...Главным фактором революции в октябре 1917 г. следует признать не экономические предпосылки «империализма» или политический переворот, а выношенную десятилетиями у абсолютного большинства населения жажду немедленного осуществления социализма. Оттого русская интеллигенция и общество и оказались беззащитны перед большевизмом, Лениным и Сталиным, что были по сути своей несомненно социалистическими и коммунистическими, принципиально не отделявшие себя от социализма и коммунизма, Ленина и Сталина» (с. 25).

Другой очерк первого раздела книги посвящен истории сборника статей о русской интеллигенции «Вехи». По замечанию М. А. Колерова он был и исследованием русской интеллигенции, и тогда же манифестом авторов. Ими была дана «систематическая критика и анализ идейных, исторических и политических оснований безграничного интеллигентского социализма» и, напротив, предпринята попытка «оправдать буржуазное производительное творческое и религиозное строительство, воспитание и компромис» (с. 222). Очерк о «Вехах» замечателен исследованием истории замысла сборника и его издания, остроумен и тонок в анализе относительно частных моментов веховского видения интеллигентского сознания («педократии», «наследства», «ужасной фразы» М. О Гершензона, революции как провокации). Но, уступив

магии социально-политических оценок «Вех», автор нашел в них главным то же самое, за что, собственно «Вехи» и были уничтожаемы современниками. Теперь читатель невольно согласится с известной формулой «Вех» как «энциклопедии либерального ренегатства».

Однако представляется, что смысловым ядром, которое стягивает на себя все содержание сборника, подобно тому, как это есть в «Проблемах» (соблазн социализма) и будет в сборнике «Из глубины» (соблазн национальной диктатуры, по гегелевски снявшей Октябрь), в «Вехах» является не апология буржуазного общества, пусть даже исключительно творческого, а совсем другое, а именно — требование самодеятельной и самоуправляемой личности, ответственной перед Богом, культурой, обществом и перед самим собой. Такое ядро различимо на всех страницах «Вех», хотя полнее всего представлено статьей М. О. Гершензона «Творческое самосознание». Она и только она является центральной статьей в «Вехах». Сборник продолжил вековую православную персоналистическую традицию, свойственную христианству и обогащенную опытом европейского гуманизма. Отстаивая такую личность, вехисты тогда же оберегали культуру: быт, воспитание и образование (Гершензон, Изгоев), мораль (Франк), государственность и право (Кистяковский, Струве), философский поиск (Бердяев), религию (Булгаков). Этой приподнятостью «Вех» над «злойбой дня» объясняется глубокая генеология «Вех (от Чаадаева до Толстого», с. 346), широкая «хрестоматийность» (с. 241) и тогда же — пустяковость социально-политических претензий к ним.

Четвертый очерк называется «Сборник «Из глубины», Братство св. Софии и примирение с диктатурой (1918–1921)». Сборник был организован Струве в первой половине 1918 г., когда города и губернии мирно переходили под советскую власть. И хотя перспективы будущего были неясны, стало понятно, что возврата к до-Февралю не будет. Как и ранее, автор не пересказывает по-статейно содержание сборника, а выявляет его смыслозадающее ядро.

Возможно, читатель «споткнется» на словах «примирение с диктатурой», которое он увидит в названии большого очерка (с. 266–305). Но, конечно, не о ленинской «диктатуре пролетариата» идет речь, а о диктатуре бесклассовой, общенациональной, нужной для того, чтобы «избавить Россию от большевистской капитуляции перед Германией и управленческого хаоса, разрушавших российскую государственность» (с. 278). Смысловое ядро сборника, его главная теза — это «эволюционно-экономическое преодоление большевистской «контрреволюции» на путях признания ее главного, аграрного результата (декрета о земле) и примирения с ее главным институтом — диктатурой — уже в широком церковном и культурном применении...» (с. 276) На следующих страницах (с. 279–284) М. А. Колеров показывает, как ведущие авторы «Из глубины» — Аскольдов, Бердяев, Изгоев, Струве, Булгаков (назовем их ведущими по участию в прежних сборниках) — хотя и по разному, но все признают идею диктатуры нормальной и спасительной. Зная веховцев, мы понимаем, что религиозное и даже церковное осмысление чаемой государственности было неизбежно. Так появляется проект А. В. Карташева «Братства св. Софии», интеллигентской «малой церкви в большой церкви», ордена, создаваемого в целях выживания в подсоветском подполье, но предназначенного к выполнению

роли соединительного звена между иерархией и паствой. Карташев и Бердяев, наверное, вспоминали «малую церковь» в доме Мурузи... Но вот началась гражданская война и «подпольно-культурные намерения были отброшены» (с. 299). Для веховцев началось время поиска новой тактики общественной деятельности. Одни вступили в вооруженную борьбу с Советами, другие стали ждать духовного перерождения народа; третьи — особенно по окончании войны — захотели как профессионалы участвовать в восстановлении хозяйства и культуры и влиять на совершающуюся эволюцию Советской России.

Последний очерк (с. 306–333) М. А. Колерова — о несостоявшихся попытках высказаться каждой из определившихся групп (проекты Струве, Бердяева, Карташева). А на зарубежном поле русской философствующей публицистики появились новые работники — сменовеховцы, национал-большевики, евразийцы.

Высоко оценивая историческое исследование М. А. Колерова, обратим внимание на авторскую трактовку двух основных понятий, используемых им при работе с эмпирическим материалом. Одно из них — понятие «политического идеализма», вынесенное в название книги. Другое понятие — «идейный сборник». Оба они представляются недостаточно проработанными.

Из пояснений автора следует, что «политический идеализм» — это самый обыкновенный философский идеализм, используемый как теоретическое оправдание какого-либо социально-политического движения. Русский идеализм стал использоваться в таком качестве, когда в России стали возникать политические партии и искать своего идейного оправдания. Апологеты личной политической свободы и социального освобождения народа стали искать самооправдания в освоении элементов отечественной метафизики, немецкого кантианства и субъективной социологии народников. Этот комплекс идеалистических идей и порожденного ими социального поведения и есть то явление, что названо М. А. Колеровым политическим идеализмом. Первым его выражением стал знакомый нам сборник «Проблемы идеализма». Он был «единым идейным произведением, политической задачей которого было формирование широкого либерально-социалистического движения на основе философского идеализма» (с. 35). Из аналитики М. А. Колерова следует, что политический идеализм с его защитой разных свобод и борьбой с самодержавием был продуктом специфической общественно-политической и идейно-теоретической ситуации и с исчезновением ее должен исчезнуть сам. Автор показывает, что при новом витке революционного процесса (победа большевизма), того самого, который был назван Струве «контрреволюционным», он, политический идеализм, проиграв своему противнику в открытой борьбе, «сделал ставку на церковное, орденовое, едва ли не катакомбное ему духовное противостояние в ожидании его перерождения» (с. 9), что было знаком угасания, умирания политического идеализма как формы социального действия. Потому и политика у «политических идеалистов» становилась другой. Например, один из прежних идеалистов продолжил политическую борьбу с СССР (П. Б. Струве), другой пошел в услужение власовцам и гитлеровцам (С. А. Аскольдов), третий радостно приветствовал фултонское выступление Черчилля (С. Л. Франк).

У читателя может возникнуть вопрос: «В какой дозировке, в каком соотношении могут быть «политика» и «идеализм» чтобы образовать «политический идеализм?»» К сожалению, в книге отсутствует какое-то изображение «реализма» в политике, которым вдохновлялись другие участники русской жизни тех лет. Контраст его с «политическим идеализмом» лучше бы выявил достоинства и недостатки последнего. Но вместо такого отступления читатель видит, что автор идет далее: констатировав смерть политического идеализма, он снова оживил его — на этот раз в форме сменовеховства и евразийства. Они-де — это второй вид «политического идеализма» — послереволюционного (с. 9). Но разве социально-политическая конструкция сменовеховцев, или культурфилософская евразийцев вырастали непосредственно на теоретическом идеализме и опирались на него? Не лучше было бы в этом случае и, быть может, не только в этом, воспользоваться старым добрым понятием общественного идеала? В чем специфика действия идеала «политического идеализма» и идеалов политических реалистов?

Что касается понятия «идейный сборник», то оно предложено в статье «Русские идейные сборники как традиция: между толстым журналом и манифестом», которая открывает раздел «Очерки». Здесь не только конституируется искомое понятие, но и предложен набросок истории этого жанра от 40-х гг. XIX в. до времени перестройки. «Идейный сборник» у автора — не любой общелитературный, литературно-художественный, социально-научный или философский, а совсем другой. Образец совсем другого предложен «Вехами». Он, по мнению М. А. Колерова, «стал и остается до сих пор главным примером того, что собою являет идейное высказывание коллектива авторов, сколь масштабный общественный отклик он может вызвать», и даже «какую славу он может принести авторам» (с. 233). Они же ставили «перед собой задачу реализовать свою партийную точку зрения (или программу как систему этих положений) именно как целостное мировоззрение». «В этом его суть и предназначение» (с. 17), — подчеркивает М. А. Колеров, тем самым еще раз подтверждая свое согласие с традиционной и партийной, т. е. «социально-политической» трактовкой «Вех». Следуя автору в определении «идейного сборника», скажем, что 1) это партийно-политический сборник; 2) в котором партийное объединение декларирует свое мировоззрение, служащее теоретическим и ценностным основанием его деятельности.

Однако на подобной статике М. А. Колеров не задерживается. Он вспомнил слова В. Ф. Ходасевича о символизме как двуединстве жизни и искусства и примерил найденное двуединство к «идейному сборнику». Идеи сборника не хотели быть только идеями, а хотели быть «синтетическим методом философского мировоззрения и политической критики» (с. 108). Тогда читатель может сказать еще об одном признаке таких сборников — их неотделимости от повседневности политической жизни. Слово как дело — вот «идейный сборник». Он существует в политическом хронотопе, в «масштабном общественном отклике». Сборник характеризуется не истинностью, а ценностью. Его рождение, его успех и его умирание определены социально-политической температурой. Следуя логике автора, такие сборники вернее именовать «идеологическими», чреватými идеократией, о чем и сказано на с. 3 книги: «чистые

субъекты политического идеализма» «последовательно похоронили самодержавие, монархию, Российскую империю и историческую Россию вообще, чтобы затем уже на идеократической основе создать имперскую Советскую Россию».

В свете такой — политически-актуально-практичной — характеристики идейных сборников понятно, что их историю в России нужно начинать не со славянофильских «Московских сборников» (как о том говорит автор) (с. 25), а позже, с началом партийного строительства в Российской империи. Только тогда стала прорисовываться традиция «идеологического сборника», а первым из них был сборник «господ чепушистов» (В. И. Ленин) «Проблемы идеализма».

При описании книги и ее основных понятий можно было бы указывать на несогласие с какими-то авторскими констатациями. Журнал Петроградского философского общества «Мысль» он включил в «штудии» сборников; сборником назвал коллективную монографию «Историю Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс»; сугубо гносеологические «Пути реализма» (1926) увязал с контекстом «несоветской идейной активности» (с. 44). Едва ли справедливо утверждение, что после появления «Проблем» сборники стали «быстро вытеснять толстые журналы с позиций идейного лидерства» (с. 38). Вернее было бы сказать, что они разделили с журналом функции идейного лидерства и проч. Можно даже указать на пропуск одного слова в одном предложении на с. 346 и о прямой опечатке на с. 495. Все это — пустяки.

Кажется, автор достигает главного, оставляя читателя перед трудным вопросом и недоумением: почему в исторических передрыгах так бессильны персоналистическая идея и личность, ответственная за свободу? Почему ее победило своеволие? Каким таким идеализмом руководствовались большевики, объявив всем классовую войну и возродив Россию в идеократическом облике СССР?